

Английский язык

Библиотека в школе

Биология

География

Дошкольное образование

Здоровье детей

Информатика

**Воспитание
Образование
Педагогика**

№27

Искусство

История

Классное руководство

Литература

Математика

Начальная школа

Немецкий язык

Русский язык

Спорт в школе

Управление школой

Физика

Французский язык

Химия

Школьный психолог

ВАДИМ СЛУЦКИЙ

Чему учитель может научиться у своих учеников

Фрагменты из книги
«Мои дорогие дети»

БИБЛИОТЕЧКА «ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ»
Серия «Воспитание. Образование. Педагогика»
Выпуск 27

Вадим Слуцкий

ЧЕМУ УЧИТЕЛЬ МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У СВОИХ УЧЕНИКОВ

Фрагменты из книги «Мои дорогие дети»

Москва
Чистые пруды
2010

СОДЕРЖАНИЕ

Напутствие читателям	4
Вместо предисловия	5
Мой «Шестой-В»	5
Сталиненко	22
Мальчик-пенсионер	28
Вместо эпилога	32

НАПУТСТВИЕ ЧИТАТЕЛЯМ

«Наверное, это самое удивительное, непонятное и прекрасное в нашей работе, когда вчера еще незнакомые дети становятся *моими детьми*. Но вряд ли это можно объяснить словами...»

И все-таки книга петрозаводского учителя Вадима Слуцкого, представленная в нашей брошюре, читается именно как опыт такого объяснения.

В ней тщательно нарисовано несколько десятков портретов современных подростков – подростков, в большинстве своем выглядящих весьма неудобными и проблемными для учителя. Причем самые формально «беспроблемные» дети оказываются на деле самыми трудными...

Но книга рассказывает не столько о воспитании подростков, сколько о взаимопомощи детей и взрослых в их жизненном становлении. О том, как рядом с детьми воспитывается и учится своей профессии учитель.

Заслуженная награда учителя в том, что кто-то из детей стал увереннее, кто-то лучше занимается, кто-то раскрепостился. А незаслуженная, чудесная – в том, что дети вознаграждают его своей душевной отзывчивостью, своей готовностью прийти на помощь, своим нечаянным умением научить его чему-то очень важному.

Именно этой, «чудесной», стороне педагогического дела посвящены острые, драматичные истории Вадима Слуцкого.

В первой части брошюры представлена глава об отношении учителя с его шестым классом: и как с собранием отдельных детских индивидуальностей, и как со сложно складывающейся душевной общностью людей.

Вторая часть – два выбранных очерка из большого ряда историй об отношениях учителя с конкретными детьми и об уроках, которые учитель выносит для себя из этих отношений.

Вместо предисловия

Я был замкнутым, болезненным, застенчивым ребенком: никто из моих учителей не мог себе представить, что я стану педагогом. Считается ведь, что в учителя должны идти те, кого дети будут слушаться и бояться.

Но у нас во дворе был маленький мальчик с очень странным именем – его звали Адик, он был молдаванин: фактически это был брошенный ребенок, хотя и при живой матери, робкий, одинокий. И мне очень нравилось с ним возиться: я был ему нужен, мне было хорошо с ним.

Мое преимущество с самого начала было в том, что я пришел к детям ради человеческих отношений с ними, чтобы быть нужным и избавиться от одиночества. В том, что с самого начала я видел в них прежде всего людей, а не учеников.

Конечно, первое время мне казалось, что главное – стать авторитетным учителем: чтобы меня слушались. И довольно быстро мне удалось добиться своей цели: я научился держать себя в классе, говорить то, что нужно, и тогда, когда нужно. Меня слушались, даже побаивались. Я стал строгим учителем: мог кричать на детей, выгонять их из класса.

Правда, дети мне все прощали, потому что уже и тогда между нами существовала человеческая связь, которую я пока еще не умел ценить, не считал, что это – главное.

В какой-то мере поворотным пунктом стал один пустяковый на первый взгляд случай. На перемене меня вызвали к директору, я пришел на урок с опозданием и не в лучшем настроении. Был русский – мы писали словарный диктант. Я начал механически диктовать, думая о своем, – они покорно пишут. Дописали до конца – и тут я заметил, что диктовал не то: это были слова, которых я еще не задавал, – они их не готовили. Зачем же писали? В классе 30 человек, и никто ничего не сказал.

Тогда я понял, что дети могут меня бояться, и меня это испугало.

Со временем я совершенно перестал заботиться о «дисциплине». Сейчас я думаю, что учитель приходит к детям для того, чтобы их любить и уважать. Потому что детям именно это нужно от взрослых. И научиться этому гораздо труднее.

Мой «Шестой-В»

Самое главное для учителя, когда он берет новый класс, – побыстрее познакомиться с детьми. Поэтому, узнав, что мне дают 6 класс (их учительница, Ольга Николаевна, уходит в декретный отпуск), я пошел к ним на урок.

Ольга Николаевна, молодая миловидная женщина, урок вела очень благодушно. Класс развлекался: Андрей кривлялся и выдавал «остроумные» реплики; Ваня, попросившись выйти, уточнил, что направляется «в туалэт»,

что, конечно, вызвало в классе приступ веселья. Было шумно, безалаберно; некоторые дети постоянно напрашивались на ответ, но я не мог запомнить их имен: учительница их не называла. Другие – большинство – весь урок отмалчивались. Но увидел я и умные красивые лица; в репликах с места, пусть и ехидно-нагловатых, проблескивало настоящее остроумие; захлебывающиеся ответы (побыстрее все сказать, чтоб не перебили!) были дельные, язык часто неплохой. И как-то сразу дети мне понравились.

Я уверен, что это тоже элемент педагогического мастерства. Нельзя работать с детьми, если они тебе не нравятся. Но умение разглядеть за маской обычной детской самозащиты, разболтанности, невоспитанности то, что внушает симпатию, приходит не сразу. Этому нужно учиться, иногда – долгие годы.

На первых моих уроках продолжался, просто по инерции, «Ольги-николаевнин» балдеж. Дети не умеют переключаться сразу: кабинет тот же, урок тот же – автоматически срабатывают прежние стереотипы поведения. Но я не обращал на это никакого внимания, ни разу не сделал никому замечания. Я знакомился с детьми, всматривался в них: вот эта очень уверена в себе, любит отвечать, умна, но лицо холеное, надменное, держится особняком. Та импульсивна, эта робкая, а вот тот мальчик явно не из интеллигентной семьи: как скажет, так хоть святых выноси. Я накапливал наблюдения. И все это время довольно-таки неприличное поведение детей не получало с моей стороны никакого подкрепления: я просто не замечал всего этого. Не делал вид, что не замечаю: действительно не замечал. Разговаривал с ними так, как привык за долгие годы: уважительно, с симпатией, как со взрослыми людьми. Если нужно было, повторял два-три раза (в классе было шумно).

Я знал: это пройдет. И поэтому спокойно ждал.

После третьего или четвертого моего урока с ними – дети уже ушли – в кабинет заглянула соседка, пожилая учительница, поздоровалась и сказала, улыбаясь: «Я удивляюсь, как вы с ними так спокойно, выдержанно! Я тут за стеной – все слышу. Один блеет, другой мяукает, третий кукарекает – а вы даже голоса не повысите... Нет, я так не могу: я сначала наору, наведу порядок, а уж потом можно работать!» Я только улыбнулся и ничего не ответил.

Да, это у нас распространенный «метод». Но ведь это значит с самого начала *разрушить мостик человечности*, по которому только и можно дойти до их душ и сердец. И как же потом воспитывать?

Нет, мне моя человеческая связь с детьми дороже. Да и порядка у меня уже через месяц было больше чем достаточно, при том что я палец о палец не ударил ради его наведения.

Оля у нас самая маленькая в классе. Лицо у нее странное: как у взрослой женщины. В детских лицах есть непосредственная эмоциональность, радость жизни, оттого они такие милые, симпатичные. Оля же сосредото-

ченна, напряжена, ни следа детского в этом лице – и порой становится не по себе: крошечная девочка, эти маленькие ручки, косичка, воротничок – и это лицо!

«Ребенок – рентгеновский снимок семьи» – сказал А.С.Макаренко. Еще не зная ничего о семье Оли, я уже был уверен: там что-то не в порядке.

У Оли блестящие способности, прекрасная память: она вызубривает учебники слово в слово, жутко грамотная, но мыслит стандартно, робко. Если пишет творческую работу, даже самую простую, раз десять подойдет ко мне и с маниакальной настойчивостью спрашивает: «А вот так можно сказать? А так можно написать?» Она вся в пятерках, но каждой новой пятеркой жаждет так, будто никогда их не получала.

На все вопросы учителя Оля хочет отвечать сама: ей мучительно тяжело вынести, когда спрашивают не ее. Если все-таки отвечает другой, она на его счет зло язвит – зависть: не я в центре внимания, а другой!

Оля – «врединка» (это я ее так зову, конечно, про себя): следит за речью учителя и одноклассников, за всеми записями на доске, и стоит кому-то допустить хоть крошечную ошибку, она злорадно поправляет. И ей это доставляет большое удовольствие!

Давно убедился: самые трудные дети в школе – так называемые примерные ученики.

Оля не единственный в нашем классе ребенок с большой душой.

Даша тоже очень умная, даже талантливая девочка, пишет оригинальные стихи. Но на лице ее, худеньком, бледненьком, всегда несчастное, испуганное выражение. Она тоже очень одинока, в том числе в своем классе. Есть такой термин – коэффициент изолированности: и Оля, и Даша в начале года входили в этот коэффициент.

К сожалению, я однажды чуть не поссорился с Дашей. Это было в самом начале года, когда я ее еще толком не знал. Мы писали самостоятельную работу. Во время такой работы нельзя ни с кем разговаривать, если же кто-то нарушает это правило, я имею право забрать работу и поставить оценку за то, что сделано на тот момент. И вот Даша одна из первых нарушила этот запрет, и я счел нужным применить закон во всей строгости: забрал у нее работу.

Какое у нее было лицо! Смесь боли и ненависти! Даша девочка, может быть, и не особенно красивая, но лицо у нее доброе и умное – а тут! Когда же я отдал ей тетрадь, она вернула ее мне с запиской: «Я вас НЕ-НА-ВИ-ЖУ!!!» Я перевернул эту жалкую бумажку и написал на обороте: «А я, наоборот, к Тебе очень хорошо отношусь». И вложил обратно в тетрадь.

На следующий день Даша, войдя в класс, со мной не поздоровалась, но прочитав мой «ответ», она растерялась. Сидела потерянная, несчастная и,

конечно, вызывала у меня огромную жалость. Но – шел урок. А на перемене Даша, дождавшись, пока все выйдут, подошла ко мне извиняться. Но эмоциональный след после этого случая сохранялся еще долго: счастливый быстро забывает обиду, несчастный переживает ее болезненно и долго, хотя обида может быть по сути пустяковой.

Даша тянулась ко мне, я это ясно видел. Очень старалась на уроках. И в то же время она меня боялась. Даже не из-за того случая, а вообще: несчастные одинокие дети тянутся к взрослым, в глубине души надеясь, что кто-нибудь даст им то, чего они лишены, – но одновременно они боятся сближения, потому что их душа как обнаженная рана – любое прикосновение вызывает боль.

И мне нужно было все время быть начеку, чтобы ее опять чем-нибудь не обидеть, не оттолкнуть, чтобы быть с ней по возможности ласковым и одновременно не внушить ложную надежду: ведь на самом деле заменить ей родителей я не могу. Я учитель: сегодня работаю с этим классом, завтра нет. А если она сильно привяжется ко мне, мой уход для нее станет тяжелой душевной травмой.

В общем, мои отношения с Дашей – это как ходьба по проволоке в 10 метрах от земли без страховки.

Но больше всего меня занимало все же не это. Я хотел, чтобы Даша нашла себя в своем классе, чтобы ее приняли и полюбили. Как же это сделать?

В числе «изолированных» поначалу был и Жора. Наш класс девичий: девочек у нас гораздо больше, чем мальчиков. А Жора постоянно жестоко обижал девочек, и они его терпеть не могли.

Жора симпатичный и неглупый мальчишка, но родители его живут в другой стране, а он здесь, в России, с бабушкой и дедушкой. Они хорошие люди, и все-таки боль у него в душе очень сильна.

Вот как было в начале года. Идет один из первых уроков литературы. Тамара в нем участия не принимает: играет фишками. Так бывает: новый учитель, а у некоторых детей низкий порог психической выносливости: все непривычное, новое им трудно – чтобы привыкнуть, нужно как-то себя успокоить любимым привычным занятием: успокоится – и тогда включится в работу. Так что игра фишками на уроке в данном случае не нарушение дисциплины, а самопсихотерапия. Поэтому я Тамаре ничего не говорил и оказался прав: как выяснилось, она обожает стихи, артистична, эмоциональна и на уроках литературы стала одной из главных «звезд». Но это потом.

А пока Тамара на меня не смотрит, не слушает и играет фишками. Жора сначала пытается на нее наябедничать: это мальчик – на девочку! Видя, что

я на него не обращаю внимания, он сбрасывает часть фишек на пол. Ссора. Но так как я опять не обнаруживаю желания вмешаться, Тамара подбирает фишки сама, однако Жора наступает на одну из них ногой, потом хватает ее и рвет.

На перемене – скандал. Тамара плачет. Жору девочки не выпускают из класса. Мне приходится вмешаться, но с Жорой разговаривать бесполезно: он во всем прав, фишки валялись на полу сами по себе, значит, каждый мог их взять, а порвал он ее... чтобы мусор на полу не валялся!

Вот другая сценка с его участием.

Жора вошел в класс минут через 5 после звонка. У нас это не запрещено, но самостоятельные работы (обычно минут на 5–7) пишутся всегда именно в начале урока, так было и в тот день. Убедившись, что он уже ничего не успевает, Жора в раздражении хватается за парту и двигает – даже скорее бросает – с такой силой, что она больно бьет по спинам сидящих впереди девочек. Те возмущены: «Ты что, сумасшедший?!» Я смотрю на это с грустью, но ничего не говорю Жоре: я уже знаю, что это бесполезно. Ему больно, и поэтому он делает больно другим. Но ведь детям этого пока не объяснишь.

Жора часто остается после уроков поговорить со мной. У него потребность в старшем друге, близком взрослом и, видимо, именно в мужчине. Его все интересует: мои родители, мои увлечения, даже мои часы и моя сумка. После уроков это интеллигентный и вежливый ребенок. А на уроке, при всех, он опять ехидничает, кривляется, всех задирает.

Что мне делать с Жорой? Как помочь ему?

Тамара – армянка. Она жизнерадостная и счастливая, но болезненно самолюбивая девочка: стремится быть первой, хочет показать себя. И еще: Тамара часто плачет. Ее легко обидеть, и обиду она переживает бурно, тяжело, хотя и быстро отходит.

Признаться, поначалу такая ранимость меня удивляла: счастливые дети не очень чувствительны к обидам, довольно устойчивы эмоционально. А Тамара счастливый ребенок: ее любят родители, у нее есть младшая сестра.

И вот однажды, когда ее в очередной раз чем-то задел Жора и она горько плакала, уткнувшись лицом в сложенные руки, захлебываясь, вздрагивая, а я подошел и положил ей руку на плечо, меня вдруг осенило: да ведь Тамара армянка! Сколько веков этот народ гнали, травили, резали. Это ее архетип, ее генетическая память! Когда ее обижают, ей где-то в самой глубине души – в подсознании – кажется, что так теперь всегда и будет продолжаться: ее будут унижать, травить, ненавидеть.

Бедная девочка, не надо плакать! – я, твой учитель, еврей: я тебя так хорошо понимаю!

А через пять минут Тамара вытерла слезы, села прямо и улыбнулась, слушая стихотворение. Она очень тонкий человек, любит стихи и хорошо читает: она одна из всего класса может не просто прочесть, а *прожить* стихотворение, читая его; и каждая мысль, каждое чувство отражается на ее прекрасном подвижном, переменчивом, как небо в ветреную погоду, лице.

И я подумал: ведь должен же кто-то быть рядом с ребенком, когда ему плохо. Кто-то сильный и добрый. Может быть, Тамара почувствовала не только тепло моей руки и мою готовность помочь, но и то, что я ее понял?

Ведь дети – существа феноменально, мистически чувствительные, хотя они и редко сознают то, что чувствуют.

Увы, ранимый человек часто, сам того не понимая, «вызывает огонь на себя»: провоцирует других на то, чтобы они его обижали, именно потому, что больше всего этого боится. Предполагая в других стремление обидеть, он вызывает его к жизни, как джинна из бутылки. И убеждается, что люди действительно злы и жестоки, а его судьба – быть вечно гонимым. Формируется порочный круг несчастья. И человек ожесточается.

Да, моя вроде бы благополучная Тамара – тоже проблемный ребенок.

В нашем классе три великие молчальницы: Аня Барвихина, Алена Чукина и Люся.

Аня – дочь врачей: и мама, и папа у нее медики. Хотя Ане всего 12 лет, она отличается высоким ростом, статностью, белым лицом, солидностью, спокойствием. Она мало говорит, а если скажет, то идеально точно и лаконично: ни убавить, ни прибавить. Никогда не лезет вперед, но всегда внимательна, собранна, точна, и это без малейшего напряжения, без всякой демонстрации усердия. Когда ни посмотришь на нее, она всегда сидит прямо, смотрит спокойно и внимательно и, по глазам видно, все понимает.

Но есть и у нее проблема: она никем в классе по-настоящему не интересуется и ни с кем не общается, кроме своей подруги и соседки Алены Чукиной. Но и с ней общение у Ани своеобразное.

Алена девочка и красивая, и умная, и счастливая, но есть у нее одна странность, которая, кажется, и стала причиной их дружбы с Аней: она молчит как рыба. Даже неизвестно, какой у нее голос. Вот так они и общаются с Аней: вместе молчат. И очень довольны друг другом.

Иногда на перемене Алена прискачет к моему столу, я ее возьму за руку и говорю: «Алена! Скажи хоть что-нибудь! Промолви хоть словечко!» Но Алена смущается и убегает. Письменные работы она выполняет великолепно, но... продолжает молчать! Глаза у нее умные-умные, взгляд слегка ироничный: видно, как все женщины, мастерица подмечать смешное.

Они с Аней чрезвычайно законопослушны. Вот идет перемена. Я стою у первой парты, разговариваю с Олей. Звонит звонок, на который никто не реагирует, потому что это первый звонок. Но Аня и Алена послушно встают за своей партой. Потом оглядываются, видят, что урок еще не начинается, и снова садятся. Молча!

И Люся тоже молчит, но совсем по-другому. Она боится говорить! Она робка, застенчива, одинока: живет с мамой, и мама ее человек не очень счастливый. На лице у Люси обычно выражение испуга. Она заикается, у нее очень тихий голос. Для своего возраста она большая, полная и мягкая, будто плюшевая, но и сидя за партой, и стоя, она горбится, съеживается – и достигает своего: ее никто не замечает.

Как-то она не пришла в школу. Я спросил уже ближе к концу урока: «А что с Люсей? Кто знает?» Они удивились: «А разве ее нет? Мы и не заметили». Равнодушно так удивились.

Молчание Ани и Алены вполне доброкачественное. Пусть молчат: у них это хорошо получается!

А вот молчание Люси злокачественное. Ее нужно обязательно «разговорить» – но как?

Ася и Аля (ее полное имя Алевтина) – полные противоположности друг другу.

Ася по материнской линии финка. Фигура у нее коренастая, прочная. Голова большая, глазки маленькие, скулы выдаются, подбородок тяжелый, выступающий вперед, и нежно-розовая, на морозе с ярким румянцем, кожа. Притом флегматический темперамент и очень слабые способности. Когда мы говорим о каких-нибудь высоких материях, глаза у Аси будто покрываются пленкой, соловеют. Скоро она «отключается» и склоняется над тетрадью: рисует. Она любит рисовать.

Аля на вид типичнейшая русская деревенская девочка: полненькая, крепенькая, нос картошкой. Но заглянешь ей в глаза: ох умная! А пишет как! Однажды в сочинении она даже процитировала Конфуция! Впрочем, это с маминой подачи: мама ее учительница, работает в Университетском лицее.

Как-то играли мы в игру «На одну букву» (отдыхали от обычной работы). Аля с достоинством вышла перед классом и, глядя в окно, задала свой вопрос: «Назовите столицу Камбоджи». А была буква «П». Все догадались, что столица-то Камбоджи, будь она неладна, оказывается, на букву «П», но никто – включая меня – не мог вспомнить, как она называется. Тогда Аля несколько надменно промолвила: «Пномпень!» И не торопяся села на место.

Как учить в одном классе Асю и Алю?

Три самые красивые девочки в нашем классе (по крайней мере на мой вкус) – это Юлия Тимофеева, Карина и Лена.

Как-то писали мы работу по развитию речи на тему «Внешность и характер». Каждый должен был принести с собой портрет, живописный или фото, чтобы по нему писать. В начале урока кто-то из детей на всякий случай решил посоветоваться со мной: хороший ли у него портрет. Остальные «заразились»: пришлось мне смотреть все, что они принесли, и обо всем высказываться.

И вот Карина притащила вырезку из иллюстрированного журнала: фото какой-то эстрадной звезды (как потом выяснилось, Бритни Спирс). Стандартный рекламный снимок: заученная улыбка, косметика, лицо манекена. Я сказал, что написать хорошее сочинение по этой фотографии невозможно: это не живой человек, а кукла – здесь нет характера, индивидуальности. Сказано это было довольно решительно.

И вот тут мне пришлось удивиться: Карина заплакала! А ведь она никогда не плачет. Но писать все же стала по этому портрету. Оказалось, что Бритни – ее кумир, ее идеал, она ее обожает и считает образцом всех совершенств. Но я-то этого не знал и очень обидел ее. Она не отступила, не выбрала другой портрет из тех, что принес я или другие дети. И написала прекрасное сочинение! Как я был этому рад!

Конечно, почти все, что она пишет о Бритни, – неправда, иллюзия. Но в каком-то другом смысле – это правда: правда не о Бритни, а о человеке, о том, каким он может и должен быть.

У ребенка обязательно должен быть идеал, хотя детям очень свойственно отождествлять его с каким-то реальным человеком. Ничего, подрастут – поймут. А разрушать идеал ребенка нельзя ни в коем случае!

Следующий урок я начал с того, что извинился перед Кариной, прочел ее сочинение – прочел с восхищением, – а потом сказал: «Карина не просто написала хорошую работу: на это способны вы все. Она проявила самостоятельность и независимость и доказала, что была права, а я не прав. За это я ее очень уважаю!»

Карина при этом слегка покраснела, но глаз не опустила (она смелая), и глаза у нее заблестели: есть дети, которым не очень-то нужна любовь учителя (Карина из их числа), но уважения Старшего, Взрослого жаждет каждый ребенок.

А в конце года был у нас такой случай. Что-то они опять писали, и я стал по-учительски кого-то вразумлять: вот, мол, надо не так, а так. Вдруг они почти всем классом как завопят на меня: «Молчите! Он имеет право на свое мнение!!»

Я замолчал. Сел и думаю: «Ну молодцы!» Это мы с Кариной их так воспитали.

Юля Тимофеева – современная красавица. Она уже формируется как девушка, высокого роста, прекрасно сложена. В ее лице есть одна неповторимая черта: татарские, узкие и угольно-черные, глаза, умные и холодные. Юля из богатой семьи, и родители ее балуют. У нее прекрасные способности, железная память, отличная дикция, хорошая речь, она очень уверена в себе. Но надменна, самодовольна, бессердечна и эгоистична. Прекрасно рассуждает, но не воспринимает оттенки чувств. Держится особняком, на всех смотрит свысока. Когда я обидел Карину и она плакала, Юля процедила что-то высокомерно-презрительное в ее адрес.

Как сделать так, чтобы оттаяло ее ледяное сердце?

Лена на вид не ребенок, а ангел. Золотистые косы, веснушки по всему лицу. Тонкие изящные черты, очень белая нежная кожа.

Но внешность ее обманчива. Лена – ужасная язва. Язычок острый как бритва. Но и по-настоящему остроумна. Независима, с большим чувством собственного достоинства. Исключительно оригинально, а порой и странно, парадоксально мыслит. Но, как все такие люди, резка, об нее можно уколоться, а то и серьезно пораниться.

Как-то она поднимала руку, а я спрашивал-спрашивал, а ее не спросил. Заговорил уже о другом, но тут меня остановила бдительно-едкая Оля: «Между прочим, Лена тоже кое-что хотела сказать!» Я – Лене: «Извини, пожалуйста, я Тебя слушаю». Но она только буркнула сквозь зубы: «Поздно! Раньше надо было слушать!» И отвернулась.

А ведь она на редкость добрая и хорошая девочка. Как важно, чтобы ее индивидуальность не стала ее проклятием, чтобы она нашла свое место в жизни.

Еще одна наша проблема – в классе много неуверенных в себе детей. Я давно заметил: это черта наша, русская. У нас и взрослых таких очень много.

Вот, например, Аня Кошкина. Милая, тихая, умная. Но ей так хочется проявить себя в классе: не выделиться, нет, а стать нужной, что-то для всех сделать, завоевать какое-то признание. Но человек она простой и робкий, а вокруг столько ярких звезд! Как найти для нее такое дело, такую роль, которая бы ее удовлетворяла?

Лиза очень беленькая: у нее льняные волосы, очень светлая, почти прозрачная кожа; носик курносый-курносый, глядящий прямо в небо, и светло-голубые глаза с непередаваемым выражением чистоты, наивной кротости, свежести и доброты. Лиза меня очень любит и поэтому очень старается.

Хотя она и вообще старательная, но мотивы у нее совсем не те, что у Даши и Оли: она старается не для того, чтобы самоутвердиться в роли Лучшей Ученицы и обратить на себя внимание, как Оля; и не для того, чтобы понравиться и заслужить мое расположение, как Даша. Лиза старается, чтобы доставить мне удовольствие! Она очень скромная, совершенно бескорыстная, но и застенчивая, и неуверенная в себе.

Лиза мало заметна в классе, но какая радость видеть эти устремленные на тебя неземные глаза, это чудное лицо. И все-таки – как ей помочь стать уверенным в себе, сильным человеком?

У мальчишек тот же комплекс прикрывают бравада, показное нахальство. Такой у нас Антон: на вид красавец, этакий стройный блондин, но он удивительно груб и неотесан. Но самый неуверенный в себе человек в классе – Андрей Примеров: тот самый, кто больше всех нахальничал у Ольги Николаевны. У меня же он очень скоро замолчал, и тогда проступило на его лице это выражение растерянности, робости. Как помочь ему стать настоящим мужчиной?

А еще у нас много детей забавных, смешных.

Но самый смешной человек у нас – Настя Ершова. Она маленькая, тощенькая, рыженькая, взгляд у нее остренький, плечи остренькие, носик остренький и даже ушки остренькие – вся такая очень колючая девочка.

На то есть свои причины. Настя сидит за первой партой – и не случайно: она почти слепая. Когда нужно что-то писать на доске, Настя ничего не видит, даже надев свои «окуляры», поэтому она «вылезает» к доске (у нас это не запрещено) и, уткнувшись в нее, разбирает написанное. При этом закрывает доску, и класс ничего не видит.

Когда она продельвала этот маневр в начале года, это неизменно приводило к скандалам: на нее шикали, делали ехидные замечания («Пошла вон!», «Ты не стеклянная!»), она огрызалась. И это была ее позиция в классе: вечно в позе самозащиты. Вот почему она так похожа на ежа.

Настя недоброжелательна к своим одноклассникам: ей легче сносить их уколы и насмешки, убедив себя, что они не слишком-то хорошие люди, – так стоит ли обращать на них внимание?

Как сделать так, чтобы Настя отмякла, перестала вечно щетиниться в жалкой и агрессивной позе самозащиты: ведь это ее формирует.

Вообще атмосфера в классе у нас поначалу была недоброй и недружественной: многие дети старались обратить на себя внимание – так приучены: кто первый «вылезет», поднимает руку, скажет – тот и молодец. Друг к другу относились как к конкурентам. Ничего друг о друге не знали и не хотели узнать. Коллектива никакого – группировки, тусовки, каждая сама по себе. Лидеров, общественного мнения не было и в помине.

Может быть, кто-то скажет: «Какой тяжелый класс!» Я начал работать с детьми 23 года назад и должен сказать: класс самый обычный. И даже один из самых благополучных моих классов.

Прошел месяц, и наш класс стал меняться.

Любой школьный класс, любой коллектив – это особое целое, особое существо, в чем-то подобное отдельному человеку: со своим характером, индивидуальностью. И суть этого удивительного организма – коллектива – невыводима из качеств, характеров, способностей тех, кто его составляет. Он возникает и формируется по каким-то своим имманентным законам и, возникнув, начинает влиять на тех, кто входит в него.

И вот наш класс стал меняться. Исчезли галдеж, расхлябанность, кривлянье, выкрики с места, назойливость, попытки навязать себя за счет других. Я видел глаза, смотревшие на меня с доверием и интересом. Казавшиеся нагловатыми теперь выглядели скромными и почтительными; робкие чуть раскрепостились, уже не так робеют.

Почему так? Во-первых, я внушил им уважение к самим себе: своим тоном, манерой общения с ними.

Но не только в этом дело. Есть и другие причины их преображения.

Вот идет урок. Кто-то поднимает руку, просит разрешения выйти. Я останавливаюсь: «А собственно, зачем ты меня спрашиваешь? Я не имею права не разрешать». Они удивились, заспорили. Но я стою на своем: «Я не могу знать, когда кому нужно или не нужно выйти: вы уж, пожалуйста, это решайте сами. Только не выходите по двое, по трое и тогда, когда кто-то уже вышел». Андрей поразился: «Что, и спрашивать не нужно?» – «Ну конечно, не нужно».

Так мы положили начало очень важному демократическому институту в нашем классе. Теперь у нас любая мелочь регулируется особым правилом, иногда довольно замысловатым: мы устанавливаем такие правила вместе и вместе следим за их соблюдением – и для этого даже выделены особые люди. Хотя нарушения редки, чаще забываю соблюдать правила я, чем дети. Помните, как я забыл спросить Лену, хотя она поднимала руку? Это нарушение одного из наших правил: если кто-то хочет что-то сказать, его нельзя не спросить и нужно выслушать до конца, хотя и предписывается ораторам говорить коротко и ясно.

Андрей все никак не мог свыкнуться с тем, что можно входить и выходить без разрешения учителя, продолжал поднимать руку и спрашивать: «Можно выйти?» – чем вызывал в классе веселье. Ему легче, когда не он несет ответственность, решает, а учитель. Но если позволить ему это, он так навсегда и останется зависимым и слабым.

Конечно, первое время они выходили косяком: осваивали новый способ действия. Выходили и те, кому и не нужно было. Тогда был введен корректив: за последствия (не знал, не сделал, не написал) отвечаешь сам!

Получилось: самостоятельность и ответственность вместо несамостоятельности и безответственности.

Приятно было наблюдать месяца через 3–4, как они входили и выходили из класса: так независимо, с таким достоинством! Ничего подобного в начале года невозможно было себе представить.

Все наши правила имеют определенный смысл, и он всем понятен. Почему, например, нельзя не дать высказаться ученику на уроке? Мало ли кто что хочет сказать: может, глупость какую-то? Да, была довольно острая дискуссия, когда принималось такое правило. Но мы решили, что дело не в этом: человека нужно выслушать просто из уважения к нему. И это важнее всего. А умно или глупо говорится, менее важно. Учитель скажет умнее – но станет ли от этого умнее ученик? А если он знает: его обязательно выслушают, серьезно, уважительно – как будет он стараться говорить и умно, и содержательно!

И кстати, откровенных глупостей я наслушался от взрослых гораздо больше, чем от детей.

Почему так важны правила?

Однажды в учительской я наблюдал такую сценку. За столом, друг против друга, сидели пожилая учительница, величественная и строгая, и ученица, девушка лет 15, милая, с умным лицом, но какая-то поникшая, приниженная. Учительница нажимным тоном читала ей нотацию: что-то девочка не сдала и вот теперь, в конце четверти, пришла отвечать. Так продолжалось минут 15, но мне казалось – бесконечно. Рабы всю жизнь унижаются, и потому им приятно унижать других. Наконец учительница убедилась, что достаточно унизила свою ученицу, и милостиво отпустила ее, приказав явиться отвечать завтра в 9.00 и не ответив на ее робкое «До свиданья».

Все дело в том, что там, где не соблюдаются обязательные для всех правила, законы, неизбежно царствует произвол. И тут уж каждый, кто «повыше чином», сам себе и законодатель, и судья, и палач. А самый маленький «чин» в школе – у ребенка.

И получается: законов никаких нет, правил нет – хочешь, чтобы у тебя было все в порядке? – сумей угодить тому, от кого это зависит. Идеальная кузница рабов.

А я хочу, чтобы мои дети выросли свободными людьми.

Знаете, почему дети дают списывать и подсказывают друг другу? Им хочется помочь товарищу. Им хочется что-то сделать для других. Но это запрещено, и приходится лгать, изворачиваться.

А мои дети не списывают и не подсказывают.

Все мои ученики периодически бывают консультантами. Консультант – это человек, знающий или умеющий что-то делать очень хорошо, лучше других. Консультант помогает другим (не понявшим материал, болевшим), иногда спрашивает и ставит оценки.

Дети обожают быть консультантами. Хотя эта «должность» не связана ни с какими привилегиями, а нередко и мешает собственной учебной работе. Тем не менее вернейший способ обидеть любого из моих – это лишить его роли Консультанта. Роль эта поднимает ребенка в собственных глазах, внушает уважение к себе: я не только учусь, я и сам учу других!

Все мои ученики ведут «Листы учета знаний», где записаны все изучаемые темы и результаты по каждой из них: не только оценки, но и качественная характеристика каждой работы, каждого учебного достижения, каждой неудачи.

По нашим правилам никакая учебная неудача не «фатальна». Любую работу можно переделывать до трех раз. Отметки, не устраивающие самого ребенка, это не окончательные отметки: они не ставятся ни в дневник, ни в журнал.

И у них возникает азарт: смогу ли? Сумею ли? Перед глазами у каждого реальная картина своих успехов и неудач. И каждый старается перещеголять себя, а не другого. И уже не нужно списывать, не нужны подсказки. Потому что оценка перестает быть богом ученика: идет повседневная работа над собой, в которой предусмотрены ошибки, огрехи, пробелы – как во всякой работе. Ну ошибся: попроси помощи консультанта, поработай сам или с другом – и получишь то, что хочешь. Опять неудача? Разберись, в чем дело: есть еще одна попытка.

Никогда не забуду, как Лиза однажды писала самостоятельную работу. Я говорил уже, что она не слишком-то верит в себя и обычно рада, если получает четверку. Но я безапелляционно заявил, что уверен: она обязательно напишет на пятерку. И она написала!

На следующий день она первая вбежала в класс, схватила свой листок и даже подпрыгнула от радости. Сияя, победно помахала листком и сказала: «Вот, вы говорили, что я напишу на «пять», а я не верила!»

Кончится четверть, Лиза выбросит этот листок, забудет содержание этой работы, а может быть, и сам учебный материал, по которому она написана. Но радость победы над собой, счастье ощутить себя сильной, умелой не забудутся и не пройдут даром.

И такая радость несравнима с удовольствием от обманом полученной оценки. Тот, кто постоянно испытывает эту высокую человеческую радость, никогда не променяет ее на удовольствие низшего порядка, как не променяем мы драгоценный камень на простой булыжник.

Кто же делает для детей качественный анализ их работ? Они сами.

Понятно, что обычный ученик обычной российской школы на это не способен. Наши школяры имеют такое же представление о том, за что им выставлена та или иная отметка, как о природе Тунгусского метеорита: и то и другое с неба свалилось, а почему именно это и именно им на головы – неизвестно.

А мы оцениваем и устные ответы, и письменные работы вместе. Поначалу это занимает много времени: они ведь еще только учатся. Ответит кто-то, я прошу класс: «Пожалуйста, оцените ответ». По схеме: достоинства, недостатки. То, что говорится, пока не оценка, а качественная характеристика ответа. Высказывается каждый, кому есть что сказать; кое-что добавляю и я.

И так постоянно, изо дня в день, из месяца в месяц. Письменные творческие работы читаются в классе (если автор не возражает) и анализируются таким же образом. Конечно, все работы прочесть невозможно: я выбираю или очень хорошие, или с характерными недочетами.

К концу второй четверти они так набили руку, что мне почти нечего было прибавить к их характеристикам. После коллективного анализа мы ставили отметки – тоже вместе. И в конце концов каждый из них научился сам анализировать свои работы и сам себя – вполне объективно – оценивать.

Кстати, есть один нюанс. Мы ставим +1 балл «за прогресс». Что это значит?

Скажем, Жора раньше жил на Украине и учился на «украинской мове», а у Тамары родной язык армянский. И тот, и другая лепили ошибку на ошибке. И что же – заваливать их двойками? По «Нормам оценок» получается так: шесть ошибок – двойка. Но если обычно у ребенка на странице самостоятельно созданного им текста бывает 10–12 ошибок, а сегодня только 8, то он получает +1 за прогресс.

Но в голове он держит: это оценка за прогресс. Есть еще оценка абсолютная. Но если отметки по относительной и абсолютной шкалам разные, ставится – по правилу! – та, которая выше.

Приступая к изучению новой темы, мы вместе решаем, что именно, когда и как будем делать. Сначала я характеризую тему, обязательно объясняю, *зачем* ее нужно изучать, каким должен быть результат: чему они должны научиться в итоге. По нашим правилам, если я не могу убедить детей, что это им действительно нужно, они могут отклонить ту или иную учебную работу и даже целую тему, и я не имею права их заставлять. Могу только попытаться убедить еще раз. Были случаи – действительно отклоняли.

Обычно дети в школе все делают только для себя. Мои же многое делают для других, а это требует и труда, и времени.

Например, мы часто работаем на уроках развития речи по комиксам, обычно их до урока нужно нарисовать на доске. Это делают художники во главе с Асей. Прибегают они в класс раньше всех, недоевши, недобегавши, недоигравши, трудятся в поте лица – не для себя, для всех. Плохо нарисуешь – ответы будут хуже. И они стараются, беспокоятся, переживают за отвечающих, как за самих себя. Ведь в подготовке урока есть и их труд, и им так хочется, чтобы все хорошо получилось!

Вот и Олю я запяг в наш педагогический воз: она у нас теперь Главный Консультант. Должность эта изобретена персонально для нее. О назначении Оли я торжественно объявил в классе. Главный Консультант помогает другим консультантам по самым сложным вопросам. Главный Консультант отвечает тогда, когда никто ответить не может (если речь идет просто о знании учебного материала). И еще: Главный Консультант обязан следить за речью учителя, за его записями и исправлять все ошибки.

И постепенно Оля замолчала. Она поняла свою роль, а детям очень свойственно абсолютное вживание, отождествление себя со своей социальной ролью, если она не навязана извне, а внутренне принимается самим ребенком. Оля приняла эту роль, так как она уникальна и почетна. Теперь Оля «выступает» только тогда, когда это действительно нужно. Меня она по-прежнему поправляет, но уже не ехидно, а спокойно: теперь это ее работа, ее вклад в общее дело.

Сейчас Оля уже не входит в число «изолированных». В классе ее если и не полюбили, то заужавали, даже стали ею чуть-чуть гордиться.

Нашла себя в классе и Даша.

Я говорил уже, что она поэтесса. Мы регулярно проводим уроки внеклассного чтения, на которые дети приносят свои любимые произведения и знакомят с ними класс. Единственное условие: краткость (стихи или короткий рассказ) и способность нас заинтересовать. И вот Даша, одна из всего класса, читает свои произведения.

Постепенно дети оценили ее талант и ее доброту, готовность всем помочь.

Она уже не так одинока, у нее появилась подруга – Карина. Я рад этой дружбе: лучше так, чем совсем ничего. Хотя подруги они своеобразные. Карина – полная противоположность Даше: она образец душевного здоровья, хороша собой, у нее есть младший брат, а Даша в семье одна. Карина очень доброжелательна, но не ищет сближения с учителем и не нуждается в нем; у нее сильная воля, а Даша безвольна; Карина смелая – Даша роб-

кая. Но между прочим, Карина – опять-таки в отличие от Даши – вовсе не интеллигентна. Словом, Карина и Даша – это психологические Пат и Паташон.

Почему такая дружба – на основе полной противоположности – обычна у детей? Они ищут в другом то, чего не находят в себе. Но быть все время с сильным – значит неизбежно стать еще слабее. Силу берут у слабых, заботясь о них. Но дети этого пока не знают. И объяснить им нельзя. Это их путь, который им предстоит пройти самим. Набить свои шишки, пережить свою боль и свои разочарования.

Все-таки что-то новое появилось в жизни Даши, и я рад этому. Но – странные, очень странные они подруги.

«Пошел на поправку» и Жора.

Во-первых, он убедился в моей надежности и доброжелательности и в моей строгости. Да, ему нужен строгий, требовательный старший друг, потому что он – как все несчастные люди – страдает безволием: его учебные достижения были бы невозможны без внешних подталкиваний – и так будет продолжаться еще долго.

Во-вторых, Жора получил должность Защитника девочек от посторонних пришельцев. Были у нас такие случаи, когда в класс заходили непрошенные гости и обижали наших девочек. И вот Жоре и его другу Жене мы поручили их защищать. Были, конечно, и эксцессы: драки с пришельцами. Жора физически несильный мальчик, но он то, что называется «бешеный», и потому с ним бояться связываться. Теперь Жора реже обижает наших девочек. Он уже не изгой.

А Люся заговорила! Робко, запинаясь, но заговорила! Значит, больше не боится, что класс засмеет, что не дослушает, не поймет учитель.

Люся заговорила! Это большая педагогическая победа.

Однажды мы всем классом были в театре. Тамара взяла с собой младшую сестру, и весь вечер с ней была – нет, не старшая сестра, а Люся! Они сидели на балконе напротив. Я не смотрел на сцену, а смотрел на Люсю. Я видел, что маленькой девочке хорошо с ней, что Люсе тоже хорошо, потому что она нужна этому слабому доверчивому существу.

Как хорошо, что люди никогда не бывают во всем сильными или во всем слабыми! Я увидел Люсину силу: ее золотое сердце. Пусть она робка, косноязычна, одинока, пусть она слабая ученица, но я знаю, что моим самым верным, преданным другом будет именно она.

Ничего не произошло: мы по-прежнему сидели и смотрели спектакль. И в то же время все изменилось: я увидел в сегодняшней Люсе завтрашнюю Люсю, ту, которая не видна никому и даже ей самой – но которая обязательно должна проявиться, потому что для этого она и родилась на свет.

Получила свою роль в классе и Аня Кошкина: она теперь Организатор Игр. Играем мы часто – прямо на уроках. Аня эти игры готовит, ищет новые; ей это нравится. Сейчас она чувствует себя в школе лучше, чем раньше: она нужна людям.

Но пожалуй, главным «индикатором» перемен в нашем классе стала Настя Ершова. Помните ее манеру вылезать к доске и эти вечные скандалы? Любопытно было наблюдать за Настиными эволюциями в конце года: теперь она выходит к доске совершенно спокойно, встанет, уткнется в доску – и что? И ничего! Класс ни гу-гу. Терпеливо ждут, пока Настя сядет на место. И сама Настя уже не такая колючая и острая, как-то помягчела.

А Юля Тимофеева научилась по-человечески улыбаться! Вот была радость, когда я впервые увидел на ее лице обыкновенную добрую улыбку.

Как-то я шел по школьному коридору к своему кабинету. Дверь одного из классов была открыта. Я прошел мимо – вдруг оттуда громкий радостный вопль: «Вадим Ильич!!» Я туда, смотрю – сидят мои, полкласса, – а учителя нет. Вошел, сел, спрашиваю: «А это вы что тут?» «А это у нас французский язык такой» – говорят. И все улыбаются.

Ушел я от них, и так хорошо было на душе. А ведь мы с ними и без того почти каждый день видимся.

Хорошо, когда у тебя есть свои дети.

Странные разговоры приходится иногда слышать в учительской: 9-А, конечно, умный класс, но слишком подвижный, лучше не берите, будете от них уставать; 8-Б послушный, туповатый, правда. Учителя выбирают себе классы, как костюм в магазине: чтоб удобно, да мягко, да не по дорогой цене.

Но ведь друзей не выбирают. Не выбирает мать себе ребенка, не откажется от своего, каким бы он ни был; не променяет его ни на какого вундеркинда. Так почему же учитель выбирает себе детей?

А если бы меня спросили, с какими детьми я хотел бы работать, я ответил бы: «С *моими* детьми. И ни с какими другими!»

Наверное, это самое удивительное, непонятное и прекрасное в нашей работе, когда вчера еще незнакомые дети становятся *моими детьми*. Но вряд ли это можно объяснить словами.

Сталиненко

Андрей – очень светлый, остриженный по-казацки, в кружок, тощий, угловатый и курносый мальчишка. Волосы у него редкие, плоские и словно выгоревшие: светлее, чем кожа. Глаза бесцветные, водянистые, навывкате; бровей совсем не видно – они у него тоже белые-белые. Торчащие полупрозрачные уши; поднятые узкие плечи.

Лицо у него странное: то по нему бродит кривая, нагло-ехидная ухмылка, глаза – веселые и нахально-дерзкие; то оно мрачно-унылое, какое-то пришибленное.

Андрей два года просидел в первом классе, к тому же и отдали его в школу на год позже, так что он намного старше остальных моих детей. В младших классах он был держимордой, был крупнее и сильнее остальных, и его боялись. А потом самой сильной стала Женя Шелестова, быстро росли и многие другие, а Андрей остановился в росте, и его уже не боялись, а только сторонились.

За всю свою жизнь, по собственному признанию, он прочел одну книгу: сказку «Колобок». Читать, собственно, не умел, и научить его было нельзя. Да и как учить читать в пятом классе?

На уроках он обычно не работал, и даже не потому, что ничего не понимал: ему противны были любые усилия – он страшно безвольный. Но просто так сидеть тоже не мог и развлекался как умел: теребил соседей, глупо хихикал, корчился за партой, острил, грубил, и унять его не было никакой возможности.

Его терпеть не могли не только учителя, но и одноклассники: никто не хотел с ним не только дружить, но и сидеть рядом: он отнимал чужие вещи, в отобранных тетрадях карябал неприличные рисунки; толкался, щипался, говорил гадости; не дашь ему то, что он хочет, – он обязательно отомстит: порвет тетрадь или книгу, сбросит на пол и наступит ногой, подложит кнопку на стул. Он ловил шмелей и выпускал их в классе. Вся его парта была исписана и изрезана, в основном похабными рисунками и надписями.

Как-то на уроке Андрей, как обычно, кривлялся, гоготал на весь класс, всем смертельно надоел, и я его выгнал – минут за пятнадцать до конца урока. Урок этот был и у меня, и у них последним.

Прозвенел звонок. Я попрощался с детьми, хотел выйти – дверь не открывалась. Минуты две не мог понять, что случилось; дети сгрудились вокруг меня. Наконец кто-то догадался заглянуть в замочную скважину: с той стороны к двери приставили скамейку.

У нас в коридорах вдоль стен стояли длинные скамьи без спинок, и вот одну из них, опрокинув набок, кто-то прислонил к нашей двери. В замочную скважину видны были только ее ножки.

С трудом я открыл-таки дверь, дети вышли. Стал собираться, конечно, далеко не в лучшем настроении, раздумывая, что теперь делать. Собственно, я ведь не могу доказать, что это сделал он. Притвориться, как будто ничего не было? К чему это приведет? А что, если он возьмет на вооружение именно этот метод?

Тут в класс заглянул Сережа Белоус, чем-то ужасно смущенный, даже испуганный. Стараясь не смотреть на меня, пробормотал, что забыл сменку, и стал поспешно шарить под своей партой. Меня его поведение удивило: Сережа не тот человек, чтобы стесняться такой мелочи, как забытая в классе сменная обувь. Но особого значения я этому не придал.

Сережа нашел свой пакет, убежал. В школе стало тихо. Я посидел еще за своим столом, ничего не решил, взял сумку, набитую книгами, пакет с тетрадями и вышел. Закрыл дверь на ключ, повернулся. И увидел стену возле кабинета: светло-голубую, крашенную масляной краской. Весь кусок стены от одной двери до другой был густо исчеркан, измазан – и не мелом или фломастером, а шариковой ручкой, что гораздо хуже: стержень раздирает стену, оставляя царапины, их нужно закрашивать, иначе от них не избавишься; но и там, где краска цела, стереть следы от пасты можно только порошком с горячей водой, и это очень трудно.

Сначала я просто рассердился. Но потом присмотрелся: это были самые грязные матерные ругательства по моему адресу. А посредине рисунок: невероятного роста червеобразный человек, похожий на скелет, с чудовищной бородой и громадными, как крылья хищной птицы, ушами. Под этим страшилищем – подпись корявыми печатными буквами, удостоверяющая, что это мой портрет. Имя написано правильно, а «Ильичь» – с мягким знаком на конце.

Несколько секунд я стоял, не в силах двинуться с места. Это видели все мои дети! Вот почему они ушли так тихо: обычно, выскочив в коридор, они шумят на всю школу. Вот почему так смущен был Сережа.

Я схватил тряпку, налил воды в ведро, бухнул туда весь оставшийся порошок и стал лихорадочно тереть стену. Но надписи не исчезали, а только расплывались.

Где-то загремели ведра: пришла уборщица. Я заставил себя подойти, спросить, чем бы стереть пасту со стены, – она сказала – суржей и дала немного.

Суржа стирала хорошо, но я все-таки очень торопился: боялся, что *это* увидит кто-то из взрослых. Когда закончил – прошло больше часа, – весь взмок, руки горели от едкой щелочи, на брюках – мокрые пятна. Чувствовал я себя ужасно: в голове ни одной мысли, ничего не хотелось – только поскорее домой, лечь, заснуть, забыть всю эту мерзость.

Так, наверное, чувствует себя раб, прикованный цепью, во время работы в каменоломнях – это я так думаю сейчас, а тогда голова и сердце мои были пусты, словно выжженные.

Я не мог представить себе, как приду завтра в школу, как буду разговаривать со своими детьми, смотреть им в глаза. Что я прочту в этих глазах?

Домой я притащился совершенно разбитый. Выпил лошадиную дозу валерьянки, лег не раздеваясь и провалился в тяжелый и пустой, без сновидений, сон.

Следующий день совершенно выпал из моей памяти, да и неудивительно: это был, наверное, один из самых кошмарных дней в моей жизни. В школу я, конечно, пошел; да и как можно было не пойти?

Смутно вспоминается: я поднимаюсь на школьное крыльцо, там стоит Андрей со своими приятелями-хулиганами, все они старше него. Он смотрит на меня с наглой ухмылкой, что-то тихо говорит им, и они раздражаются гомерическим хохотом. Я прохожу мимо них, как сквозь строй, стараясь не смотреть в ту сторону.

Помню, я лихорадочно думал, что же мне делать. Мысли крутились в голове, как колесо. Оставить так нельзя: надписи стали появляться и в классе: на стенах, на партах. Как и когда он их делал, не знаю. Приходилось проверять класс каждый день: это было тяжело и унижительно. Я остро чувствовал, что мне нужно спешить: в классе появилась разболтанность, уже многие дети не смотрели мне в глаза, трусишки и нахалы понемножку наглели. Нужно было что-то делать немедленно, но что?

Вечером я пошел к Андрею домой. Он жил с бабушкой: мать, алкоголичку, лишили родительских прав; отец сидел за драку в пьяном виде.

Андрея дома не оказалось. Дед, коренастый, загорелый, степенный мужик, чем-то похожий на медведя: лысый, с кустистыми бровями, маленькими колючими глазками, в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, с кирпичного цвета лицом и такими же загорелыми густоволосатыми руками-кляшнями, – говорил неторопливо, солидно и очень мало интересовался школьными делами внука.

– Дак сам знаешь, науки он не превзойдет. Мать – шаромыжка, так ей да сяк... Сын туда попал; за дело, конечно... А этому-то каково? Малой еще. Но тоже что-то в нем шевелится... Душонка детская – а живая... Я с ним про это – никогда ничего: «не сыпь мне соль на рану», правильно? ...А что, натворил он чего или просто так?

– Нет, просто хотел познакомиться с вами. На собрании ведь вы не были...

– Дак когда мне по собраниям шастать... Вы, конечно, извиняйте: ему эта самая премудрость никуда – ни снизу, ни сверху не влезет. Если, конечно, наломает дров, дак скажите: он знает – вон, глянь, ремень висит, дак это для него. Но ни разу не брал пока – а чтоб он знал. Во как!

– Нет, ремень тут не поможет. Даже может быть хуже...

– Это вы правильно понимаете! – Он кольнул меня острым взглядом. – А то тут приходила прежняя его учительша, дак пытала, не хочу ли я его того – в детский дом пихнуть. Я ее, честно скажу, послал куда подальше... Тут лучше ему: все ж таки не чужие люди. Нет, в детдом не отдам его. Пока жив, корма на всех хватит...

– А кем он хочет быть? – спросил я неожиданно для себя.

– Да! Шофером! А как же ты думаешь? Как дедушка! Он у меня все – как дедушка... Картошку чистит и в доме прибирается безотказно... Я тоже вот, еще хуже, чем он, шпаненком был: отца не помню – какой он хоть из себя?.. А вот работаю, уж сорок лет считай, и не пью ни хрена... Сын-то вернется через два года, дак будет он при отце... Тот-то, дурак, перебесился: пишет с тюрьмы – здесь хуже, чем везде, больше сюда не попаду. А то не знал раньше? Видно, на пользу дак пошло...

Все в нем было такое крепкое, основательное, и об Андрее он говорил так хорошо, разумно, с такой заботой. И я ему ничего не сказал: не смог – да и зачем?

А потом пришел Андрей: веселый, оживленный и совершенно не такой, как в школе, – нормальный ребенок. Вошел, увидел меня и вдруг так испугался, побледнел! И я поспешил уйти.

На следующий день я оставил Андрея после уроков. Это было непросто: он бы, наверное, удрал, но я вошел в класс еще до звонка и все время стоял у двери.

Он сидел против меня, за первой партой, опустив голову, скривившись, подняв одно плечо выше другого, бледный, унылый, несчастный. Почему-то мне бросилось в глаза его ухо: бледное, полупрозрачное – сквозь него насквозь просвечивали косые лучи солнца. Передо мной сидел несчастный ребенок.

И что-то повернулось у меня в душе. Я, конечно, хотел говорить с ним очень строго, предупредить: «Это в последний раз!» Но вместо этого сказал с горечью, с мягкой укоризной:

– Андрюша, зачем ты это сделал?

Он долго молчал, глядя в пол, потом буркнул:

– Да, а чего вы меня выгнали?

Я долго объяснял ему, почему его выгнал, но важны тут были не слова. Как-то интуитивно я нашел тогда правильный тон в разговоре с ним: так говорят с маленькими шалунами строгие, но добрые воспитательницы в детском саду – и ребенок чувствует: тетя хорошая, она меня любит, но я ее огорчил, я что-то сделал не так – вот как я с ним говорил.

Он все так же сидел, опустив голову, потом мельком взглянул на меня и спросил очень тихо:

– А вы не скажете дедушке?

– Ты же знаешь, я ему не сказал. И не скажу.

И тут я увидел, что он заплакал! Он – знаменитый хулиган! – стыдился своих слез, но они текли и текли. Потом он вытер рукавом глаза, отвернулся к окну и сказал:

– Я больше не буду!

Как вы думаете, сдержал Андрей свое слово?

Нет, он, конечно, больше не делал *таких* рисунков и надписей. Правда, было еще два-три случая, когда делали другие: научились от него. И конечно, он тогда обещал совершенно искренне. Но чуть ли не каждую неделю на чем-нибудь срывался.

Я сейчас уже не помню всего, что он вытворял. Как-то в столовой ему *не так ответила* буфетчица – пожилая женщина. Он взял тарелку с кашей и бросил *ей в лицо!* Скандал был грандиозный, но я тогда уже не сомневался: Андрея нужно защищать во что бы то ни стало. Наказывать его нельзя было, что бы он ни сделал. Ему я сказал все, что думаю о его поступке, – но именно тем самым тоном.

С ним нельзя было разговаривать иначе как наедине. Тогда это был другой человек. При посторонних он начинал бравировать, выползала эта его нахальная улыбка.

Он был невероятно обидчив и мстителен, потому что зависел от каждого, был слабее каждого, и всякое слово могло его ранить – а восстановить свое непрочное, как мыльный пузырь, самоуважение он мог только одним способом – отомстить. Сделать еще больше! Унизить еще больше!

Но я понимал, что все это неизбежно. Что я должен, насколько могу, согреть его, жалеть и любить и в то же время все-все-все о нем знать, никогда не верить на слово, быть строгим – но: он должен быть абсолютно уверен во мне, в том, что я за него, что я на его стороне, всегда, не смотря ни на что. И – только выдержка, только безграничное терпение и самообладание: никаких срывов, не причинять ему боли! Быть предельно осторожным!

В сущности, ему нужна была безусловная любовь: как маленькому ребенку от матери. Потому что он ничего еще не получил и должен начинать развиваться с самого начала, с первых шагов, которые нормальные дети сделали в 2–3 года или раньше.

Я догадался, что его душа – как тростинка, колеблемая ветром, неустойчива, но именно поэтому он подсознательно жаждет устойчивости, надежности, которой ему не дали родители, и я должен стать его якорем, его точкой опоры. Он должен быть во мне совершенно уверен. И мне это удалось!

Благодаря Андрею я так развил свое умение владеть собой, как не сумел за всю прошлую жизнь.

Благодаря Андрею я понял, что существует коллективная ответственность взрослых перед детьми: то, чего не получил ребенок от своих родителей, должны попытаться дать ему другие, формально чужие ему, люди. Не стоит ждать от ребенка с большой душой, что он станет вести себя как все: он на это не способен. Просто ему нужно больше, гораздо больше всего: больше внимания, тепла, любви, жалости, больше отдавать души, времени и сил.

Во всякой работе есть и трудное, и легкое. Это естественно. В школе встречаются «трудные» дети. То есть такие, которым очень трудно жить: гораздо труднее, чем большинству душевно здоровых, счастливых детей.

Больному нужны уход, лекарства, особое питание. Ему нужно внимание, сочувствие. А ведь болезнь тела – ничто в сравнении с болезнью души.

Вот только мы еще совсем дикари в этом смысле: мы ничего этого не понимаем.

Андрей научил меня быть независимым в общении с детьми. В какой-то момент любые его выходки перестали на меня влиять. Я не стал к ним безразличен, они меня огорчали, но уже не причиняли мне боли, не ранили, не задевали моих чувств, моего «я» – я больше не зависел от них.

И это произошло потому, что я его полюбил. Что активно заботился о нем. И мне уже было все равно, как он себя ведет *по отношению ко мне*: меня интересовал он сам. Его душа, его чувства, его благополучие, его счастье. Он теперь уже не мог меня ничем задеть. Движение шло от меня к нему, а не от него ко мне.

Теперь я знаю, что любить можно всякого человека и что любовь – это активность, активная деятельность. Когда ты думаешь о человеке, когда что-то делаешь для него – ты его начинаешь любить. И не важно, какой он.

Любовь зависит от того, *кто* любит, а не от того – *кого* любят. Так уж мы устроены.

Благодаря Андрею я понял, что даже самые чудовищные поступки не означают, что сам этот человек плохой, злой. Зло может распространяться во

времени и пространстве – если нет для него преград. А преграда – тот, кто «не проводит зла», кто умеет остановить его в себе и стать добрым: активно добрым. Люди не злые – они проводники зла: как проволока, по которой идет ток. Но это потому, что они «не совсем люди, не совсем души». Им нужно помочь стать Людьми. Другого выхода нет! Иначе никак нельзя победить зло.

Я понял, что любой, как самый дикий, так и самый благополучный, ребенок – это Вызов. Вызов – в смысле Арнольда Тойнби. И я должен найти на него Ответ.

Ребенок самим фактом своего существования, тем, какой он, какие у него проблемы в развитии, предъявляет мне какие-то требования. И я должен суметь им соответствовать – дать Ответ.

Отсюда, кстати, слово «ответ-ственность»: это готовность и способность дать Ответ на Вызов жизни.

И если найду и сумею – стану сильнее и лучше. Это мой шанс стать Настоящим Педагогом и Настоящим Человеком.

Так что «трудный ребенок» – это хороший ребенок. Чем труднее – тем лучше.

Мальчик-пенсионер

В 200... году у меня случился очередной финансовый кризис. Добрая знакомая сосватала мне ученика. По телефону она сказала значительным тоном:

– Мальчик из очень состоятельной семьи! И умный к тому же...

Мальчика зовут Глеб Старостин. Ходить нужно на дом. Плата щедрая – 250 «рз» в час. Мама объяснила, что единственная проблема сына – тройка по русскому языку. Они хотели бы, чтобы была хотя бы четверка.

Глеб оказался очень высоким и крупным для своих 14 лет, но вялым мальчишкой. Лицо сонное, скучное, как у старичка в поликлинике. Волочит ноги. Говорит так, словно во рту каша, а больше молчит. Одет небрежно, вовсе не как сын состоятельных родителей: задрипанные мятые джинсы, простецкая клетчатая рубаша не первой свежести. Темные жесткие волосы причесаны кое-как, лохматятся на затылке.

Но лоб у него высокий и глаза умные.

Мальчишка оказался невероятно вежливым: я таких еще не встречал. Через каждое слово – «пожалуйста», «извините»: со мной обращается, как вышколенный гид с богатым туристом. Он не только встретил меня у калитки, объяснил, как заходить в дом, но и заранее предупредил: «Наша квартира на третьем этаже». На лестнице я думал: он сейчас поддержит меня под руку.

Но все это как-то равнодушно-заученно, механически, не глядя на меня. Будто я ему совсем не интересен.

– Мама сказала показать вам квартиру... Она сейчас придет...

– Экскурсию со мной проведешь? Ну давай... Я действительно в таких квартирах еще не бывал.

Он водил меня битых полчаса. Неожиданно стал словоохотливым: рассказывал об устройстве подсветки в аквариумах и книжных шкафах, о системе сигнализации, о том, как открываются окна. Меня почему-то больше всего поразили подоконники: таких размеров, что на них можно спать, как на кроватях.

– Глеб, ты замечательный экскурсовод, но боюсь, без тебя я все равно заблужусь в вашей квартире... Где мы будем заниматься?

– Пожалуйста... Вот тут... Извините...

Мы стали заниматься. Глеб был послушен, как тесто: ни разу не заспорил, выполнял все мои указания. Он действительно оказался способным, умным, легко все понимал и запоминал: напишем работу в конце занятия – все хорошо. Но к следующему разу из него все словно ветром выдувало. И оценки у него были по-прежнему плохие.

А между тем к концу урока он аккуратно совал мне чистенький конвертик: когда с 250, а когда и с 375 рублями. Время он засекал сам, а за деньгами уходил в другую комнату.

У меня росло внутреннее напряжение: деньги я беру, и немалые, – а где результат?

В чем же дело: почему этот мальчишка – как сито: все из него вываливается, ничего не держится внутри?

Постепенно я стал понимать: у него атрофия воли. Глеб, кроме русского, занимался еще английским (кстати, с каким-то профессором из университета: тот тоже приезжал к ним на дом), ходил в бассейн. Все это решил за него папа. Учился в элитной языковой школе: изучал экономику, менеджмент (это в 8 классе!) и три европейских языка. Вся жизнь расписана: ничего не нужно решать самому. Каждый день – это длинный ряд кем-то запрограммированных механических действий. И так годами, с раннего детства.

Если и выдавалась свободная минута, его хватало только на то, чтобы сидеть у телевизора: в мягком кресле, с пультом в руках. Конечно, у них какая-то особенная антенна. 36 программ. Все это пестрое, яркое, чуждое, оставляющее равнодушным, но блестящее, развлекающее, занимающее внимание и позволяющее забыть о себе.

Бедный ребенок!

Но как ни жалко мне его было, я готов был побить его, лишь бы он начал усваивать русский! Да что толку! У него отсутствует мотивация. Пока я сижу рядом, все хорошо. Нет меня – не для чего писать грамотно.

Он ведь пишет, как во сне: такой «орфографический сомнамбулизм». Интересно, сколько в наших школах таких детей? Посчитать бы!

Как-то мы вышли после занятия во дворик, и Глеб вдруг спросил:

– А на пенсию у нас когда выходят?

– У нас на Севере с 55 лет. Мужчины.

– А на Юге?

– С 60.

– О, классно!.. У нас раньше!

Это было первое сленговое слово, которое я от него услышал: всегда он говорит уж так-то книжно-правильно, так «воспитанно», что прямо тошнит.

– Тебе же еще не скоро на пенсию...

– Да, это плохо... Почему детям не дают? Это неправильно...

Серьезно так сказал, убежденно.

– Неужели тебе на пенсию хочется?

– Ну... А че? Лучше всего. Ниче не надо делать...

Он покосился на меня – не смеюсь ли – и добавил:

– Самое лучшее – это на пенсии... Вот только хреново, что так долго ждать!

Однажды в начале урока я сказал ему:

– Глеб, мне нужно с тобой поговорить.

Сказал настойчиво, твердо.

Он поднял голову, глядя на стену за моей спиной (он никогда не смотрит в глаза).

Я сказал:

– Боюсь, мне придется вернуть деньги твоим родителям...

Тут он заинтересовался и даже мельком глянул в глаза.

– У нас нет результата, понимаешь?.. Твои оценки по русскому те же, что и раньше. За что же я беру деньги?.. Честно говоря, мне будет очень тяжело их вернуть: я ведь уже часть потратил...

– А у вас... дети есть?

Это он в первый раз заинтересовался мной, моей жизнью!

– Есть, двое. И очень большая старая мама... Мне бы очень не хотелось возвращать эти деньги, но придется. Понимаешь?

Он опустил голову.

– А может... Не надо возвращать?

– Надо. Я иначе не могу... Хотя... Ты мог бы мне помочь.

Тут он совсем уж долгим взглядом посмотрел мне в глаза: и взгляд у него какой-то странный, взрослый.

– А как?

– Очень просто. Сейчас только я хочу, чтобы ты стал лучше учиться по русскому. А ведь учишься вообще-то ты. Но ты этого совсем не хочешь. Поэтому ничего и не выходит... Тебе нужно захотеть учиться хорошо по русскому языку...

– Как это?

– А вот так... Не ради себя – я знаю, для тебя это не важно, – а ради меня. Чтобы помочь мне. Понимаешь?

Он долго молчал, потом сказал очень серьезно:

– Хорошо!

Через месяц наши уроки прекратились.

Мы за это время не только отдали долги, но и приборахлились, купили новый телевизор: все на «Глебовы» денежки.

Можно было и дальше есть из этой кормушки: его родители не возражали – но я решил: хватит! Кончилась четверть: Глеб написал контрольную по русскому на «пять» – в четверти у него вышла четверка.

Родители приготовили для меня роскошный ужин – на прощание. Отказаться было неудобно. Они были очень довольны, но мне показалось, не сыном и не мной – а собой. Такое сияние самодовольства на лицах. Они купили сыну четверку по русскому. За деньги.

Главное, иметь много денег и хорошо заплатить.

Имеешь ребенка? Надо о нем заботиться. То есть все ему покупать. Компьютер. Плеер. Видик. Образование. Карьеру. Успех. Счастье.

Все покупается за деньги!

Я давно заметил: им не о чем разговаривать с сыном. Спросят о школе, об оценках – и не знают, что еще сказать. А отец – тот целыми днями просто не бывает дома.

Глеб, как всегда, проводил меня до калитки.

Во дворике горели круглые фонари. И совсем не было видно неба. Оказывается, фонари гасят небо. Его не видно, будто и вовсе нет! И эти люди живут без неба: без луны, без звезд, без закатов и рассветов. Их жизнь освещает только хрустальная люстра.

Я крепко, по-мужски, пожал Глебу руку. Он улыбнулся простой открытой мальчишеской улыбкой, и я подумал: «Вот такой ты на самом деле! Только ты сам еще этого не знаешь!»

Протянул руку и бульдогу. Тот понюхал, зевнул – и отвернулся.

Глеб громко – и совсем не вежливо – захохотал.

Я вышел на улицу, оглянулся: он стоял, засунув руки в карманы, рядом с собакой: высокий, угловатый, как всегда, плохо причесанный. Обыкновенный мальчишка.

И я подумал: «Он мне так помог!.. А я? Почему я ничем не могу помочь ему?»

Вместо эпилога

Помню, однажды в школьной столовой я засмотрелся на работу поваров: кухня у нас ничем не была отделена от зала. Они все делали так уверенно, быстро. И я позавидовал им: педагог не всегда бывает уверен в том, что все делает правильно.

Но потом это чувство прошло. Ведь моя работа в миллион раз важнее. И я уже многому научился.

Я думаю, что и в самом деле принадлежу к числу людей, лишенных так называемого педагогического таланта (хотя никто точно не знает, что это такое). Мне все давалось с трудом. Но зато я шел вперед, двигался, менялся.

Если первые годы в школе были во многом самоутверждением, то потом я уже стремился к тому, чтобы побольше дать своим детям, чтобы они больше получили на моих уроках. И перестал испытывать недовольство своими учениками: теперь я бываю недоволен только собой.

Сначала я хотел влиять и формировать, но со временем понял: воспитание – это совместное самоизменение. Мы с детьми движемся вместе: я помогаю им, а они мне.

Разве только мы детей воспитываем? Нет, благодаря детям – с помощью детей – мы воспитываем себя. Воспитание – это вечная работа над собой. Воспитание – это само-воспитание.

И я считаю это одной из прекрасных сторон нашей профессии: потому что был очень недоволен собой; я такой, каким был, не нужен был даже самому себе и больше всего хотел стать другим. И оказалось, что для того, кто хочет что-то изменить в себе, это самая прекрасная профессия.

С тоской и восхищением я смотрел ребенком на жизнерадостных, уверенных в себе, обаятельных и общительных людей, даже не надеясь войти в их круг, стать одним из них. Но вот история гадкого утенка повторилась: я сам стал таким. Благодаря своим детям: потому что им я нужен именно такой.

УДК 371
ББК 74.200
С49

Общая редакция серии «Воспитание. Образование. Педагогика»: *М.Н. Сарпан*

Слуцкий В.

С49 Чему учитель может научиться у своих учеников : Фрагменты из книги «Мои дорогие дети» / Вадим Слуцкий. – М. : Чистые пруды, 2010. – 32 с. – (Библиотечка «Первого сентября», серия «Воспитание. Образование. Педагогика». Вып. 27).

ISBN 978-5-9667-0701-9

Брошюра представляет недавно вышедшую небольшим тиражом книгу петрозаводского учителя и писателя Вадима Ильича Слуцкого «Мои дорогие дети». На основании своего опыта автор рассказывает о том, что дети могут дать учителю. Ведь автор убежден, что только с помощью детей можно стать настоящим педагогом.

Жестко, точно, узнаваемо описаны детские характеры и истории жизни подростков. Рассказы об увлекательных и драматичных отношениях между учителем и его учениками служат и основным содержанием глав книги, и источником для трудных и порой внезапных педагогических выводов и решений.

**УДК 371
ББК 74.200**

Учебное издание

СЛУЦКИЙ Вадим Ильич

ЧЕМУ УЧИТЕЛЬ МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У СВОИХ УЧЕНИКОВ

Фрагменты из книги «Мои дорогие дети»

Редактор *А.С. Русаков*

Корректоры *Е.М. Литвиненко, Т.В. Козлова*

Компьютерная верстка *Е.В. Князева*

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–19078 от 08.12.2004 г.

Подписано в печать 07.04.2010

Формат 60х90/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Печ. л. 2,0.

Тираж экз. Заказ №

ООО «Чистые пруды», ул. Киевская, д. 24, Москва, 121165

Тел. (495) 249-28-77, <http://www.1september.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале ГУП МО «КТ» «Раменская типография»

Сафоновский пр., д. 1, г. Раменское, МО, 140100

Тел. (495) 377-07-83. E-mail: ramentip@mail.ru

ISBN 978-5-9667-0701-9

© ООО «Чистые пруды», 2010